

«Размятежная Варшава»

Польский мятеж 150 лет спустя

Если юбилеи — это всегда повод задуматься, то юбилеи не отмеченные — свидетельство малой значимости исторического события, по меньшей мере — в глазах потомков, устраивающих или не устраивающих юбилейные торжества. Если сказанное верно, то это означает, что события Польского мятежа (или, если угодно, Польского *восстания*) 1863—1864 годов следует отнести к второстепенным фактам отечественной истории. Боюсь, как бы рецензируемый том «Русского сборника» не оказался единственным откликом на полуторавековой юбилей тех трагических событий.

Проблема, однако, в том, что на самом деле все обстоит с точностью до наоборот. И не только потому, что Польский мятеж 1863—1864 годов занимает одно из центральных мест в исторической памяти современных поляков, которые (в отличие от русских) хорошо помнят свою историю; но и потому, что события полуторавековой давности все более активно поднимаются на щит в союзной с Россией Беларуси, и делают это явно антироссийские силы. Они упорно пытаются внушить своим соотечественникам, что восстание 1863—1864 годов следует рассматривать как одно из ведущих событий белорусской истории, а в качестве одного из ключевых национальных героев активно продвигается фигура польского шляхтича Винцента Калиновского, превратившегося в «Кастюся» (см. С. 188—208, 401—418, 419—453 и др.).

Эти настроения находят отклик и в России — в частности среди тех, кто не усматривает в этноконфессиональной политике имперских властей в Северо-Западном крае ничего, кроме тупой ненависти и зависти к католицизму. Лишний раз это впечатление подтверждают помещенные в рецензируемом томе «Русского сборника» рецензии российского историка А. Ю. Полунова и белорусского исследователя А. Ю. Бендина на нашумевшую книгу М. Д. Долбилова «Русский край, чужая вера...» (см. С. 463—484; 485—494).

Русский сборник: исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. М.: Модест Колеров, 2013. Т. XV. 536 с.



В этих условиях резким контрастом сознательного или бессознательного замалчивания одного из ключевых событий отечественной истории XIX века является только что вышедший том «Русского сборника», едва ли не единственного в России частного научного периодического издания по истории. Несмотря на то, что содержание книги — результат труда большой группы историков, его отличает высокая степень цельности. И это при том, что редакционной коллегии удалось привлечь к работе авторов, придерживающихся отнюдь не одинаковых точек зрения. Эти различия объясняются как принадлежностью к разным национальным историографическим школам, так и взглядами, политическими и академическими предпочтениями каждого конкретного исследователя. В сборнике представлены национальные академические школы не только России (О. Р. Айрапетов, Г. Н. Симаков, Н. А. Бородкина, А. В. Суслов, Р. Н. Рахимов, Ю. А. Борисенок, А. Ю. Полунов, М. М. Шевченко, М. А. Колеров), но и Белоруссии (А. Д. Гронский, А. Ю. Бендин, А. А. Киселев, К. В. Шевченко, А. А. Загорнов, диакон Гордей Щеглов), Польши (А. Веломски, Я. Бартызель, Л. Мажевски, М. Мотас, Я. Энгельгард), Сербии (П. Косич) и Финляндии (К. Каллейнен).

Для текстов польских исследователей, вошедших в состав книги, характерно, с одной стороны, уважительное отношение к восстанию как важному месту национальной памяти, а с другой — критическое отношение к конкретным действиям повстанцев. В той или иной мере преобладает представление о том, что, ориентированные на силовое и быстрое восстановление независимости, радикальные круги польского общества начала 1860-х годов неверно оценивали свои возможности, а главное — явно переоценивали возможность вмешательства в события великих европейских держав — прежде всего имперской Франции Наполеона III. Отсюда — неизбежность поражения повстанцев, очевидная прежде самого начала восстания.

С этой точки зрения показательно уже название статьи Я. Бартызеля — «1863 — вместе в пропасть» (см. С. 177—188). Развивая эту линию, Я. Энгельгард решительно размежевывается с концепцией профессора А. Новака, одного из представителей правового крыла современной польской историографии, который видит в восстании одно из проявлений «польского духа» (правда, содержательная сторона этого «духа» оказывается сопряжена главным образом с русофобией). Впрочем, А. Новака это не останавливает; наоборот, он считает, что мятеж должен был произойти, даже несмотря на неминуемое поражение, и жестоко бичует узколобых «реалистов». В ответ Я. Энгельгард аргументировано разбирает слабые стороны «патриотического» подхода (см. С. 528—532).

Другой польский историк, М. Мотас, на материале исторических повестей писателя Я. Добрачиньского, пик творчества которого пришелся на 1960-е годы, демонстрирует пример рационального отношения к событиям 1863—1864 годов, далекого от их ура-патриотической трактовки, несколько «приглашенной» в годы «народной республики», но мгновенно возродившейся из пепла в годы, последовавшие за крушением просоветского режима на рубеже 1990-х (см. С. 521—527).

Польские авторы ряда других статей, вошедших в книгу, пытаются разобраться в том, существовала ли позитивная (и главное — мирная) альтернатива кровавым событиям 1863—1864 годов, и сколь велики были шансы на успех идеи восстановления национальной независимости Польши. В связи с этим особое внимание обращается на реформы политического деятеля маркиза Александра Велепольского, с ноября 1861 года являвшегося помощником наместника (эту должность в тот период занимал брат Александра II, великий князь Константин Николаевич). В этом качестве А. Велепольский начал проведение целой серии либеральных реформ, в штыки встреченных как сторонниками жесткого курса в Петербурге, так и польскими радикалами.

В современной Польше деятельность А. Велепольского оценивается неоднозначно, что видно и по материалам, представленным в сборнике. Так, А. Веломски отзываясь о ее результатах скептически (см. С. 139—154), в то время как Л. Мажевски видит в ней нереализованные шансы, которые давало потенциально возможное объединение реформ с отменой крепостного права на территории Царства Польского (см. С. 209—223). Польский историк (и в этом его точка зрения соотносится с позици-

ями упоминавшихся выше Я. Бартызеля и А. Энгельгарда) негативно оценивает сам факт восстания, видя в нем не взлет «польского духа», а напрасную трату сил и бессмысленные жертвы, которые не столько приблизили, сколько отсрочили реальное восстановление независимости польских земель.

Логическим продолжением этой позиции неожиданно оказываются выводы хельсинкского профессора К. Каллейнен. По ее мнению, в противовес полякам, сломя голову ринувшимся в пламя мятежей 1830—1831 и 1863—1864 годов, финны смогли гораздо более эффективно воспользоваться тем привилегированным статусом, который они (как и поляки) приобрели в Российской империи по окончании наполеоновских войн. В результате народ, ранее (в отличие от тех же поляков) не имевший опыта собственной государственности, сохраняя формальную лояльность Империи, шаг за шагом обрел не только внешние атрибуты, но и реальные элементы национального суверенитета. В качестве же поворотного момента в развитии самосознания финнов указывается период Крымской войны, поражение в которой николаевской России, по мнению К. Каллейнен, наглядно показало элите небольшого народа, что силы Империи отнюдь не беспредельны, и что путь к независимости отнюдь не является бесперспективным (см. С. 333—343).

Переходя к характеристике позиций российских и белорусских авторов, следует прежде всего подчеркнуть принципиальное единство их точек зрения по отношению к общей оценке событий 1863—1864 годов. Прежде всего, все они определяют последние как *польское* восстание (вариант — *польский* мятеж), то есть преимущественно часть истории *польского* народа даже применительно к случаям, когда связанные с восстанием события происходили на территории Северо-Западного края (современных Белоруссии и Литвы) и нынешней Украины. Все попытки «белоруссизации» или «украинизации» восстания решительно отвергаются на том основании, что за пределами земель Царства Польского практически единственной движущей силой движения являлось польское дворянство (владевшее имениями за пределами Царства), а также та часть горожан, к которой относились лица польского происхождения. Что же касается не только белорусского, украинского и еврейского, но даже литовского сельского населения, то его отношение к восстанию и его активным участникам колебалось от безразличного до крайне враждебного, чем не преминули воспользоваться русские власти.

Причиной этому стали, прежде всего, лозунги и цели восстания, главные из которых касались восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года, при том что необходимость улучшения положения крестьянства изначально не обсуждалась вообще — что отразилось на отношении сельского населения к восставшим даже на этнической польской территории. Что же касается украинских и белорусских земель, то здесь идея восстановления «большой Польши» не встретила, да и не могла встретить, поддержки. Не менее значимую роль сыграл и характер действий восставших: если восстание 1830—1831 годов предоставляло собой военный мятеж польских воинских частей, расквартированных в границах Царства Польского (автономия которого включала и право на обладание собственными вооруженными силами), то в 1863—1864 годах ситуация была принципиально иной.

В 1860-х повстанцы избрали тактику партизанской войны со всеми ее последствиями — принудительными реквизициями продовольствия и фуража, террором, направленным против представителей власти, православного духовенства, да и вообще всех тех, кто осмеливался высказывать недовольство действиями восставших или даже просто уклонялся от прямой поддержки этих действий. Активная вовлеченность в мятеж представителей костела — вплоть до прямой агитации с церковной кафедры и инициирования репрессий против православного духовенства и католического населения (не только белорусского и украинского, но и еврейского) — придала противостоянию мятежников сельскому населению Северо-Западного края и нынешней Украины выраженный религиозный оттенок.

На практике действие всех означенных факторов обернулось высокой степенью взаимного ожесточения сторон, следствием которого стали не только репрессии

властей по отношению к восставшим (о чем немало писалось после 1918 года не только в Польше, но и в СССР, особенно — в советских Украине и Белоруссии), но и ответные жестокие действия радикально настроенной части повстанцев по отношению к православному духовенству и сельскому населению, в которых априори (и не всегда без оснований) подозревали «пятую колонну» карательных войск. На протяжении большей части XX века о погибших со стороны противников восстания вспоминать было «не принято» — не только в Польше, но и за ее пределами. Господствовал миф о храбром и благородном польском «Давиде», осмелившемся встать на пути у реакционно-имперского «Голиафа», и вошедшие в книгу исследования, посвященные восприятию событий 1863—1864 годов в общественном мнении не только России, но и за ее пределами — в Сербии (см. С. 368—400) и Чехии (см. С. 344—367), позволяют понять, как и почему этот миф возник и поддерживался на плаву. Лишь сегодня наконец настало время, для того чтобы вспомнить о жертвах восстания по-именно; в рецензируемой книге этой трагической теме посвящены статьи диакона Гордея Щеглова (см. С. 224—246) и А. Д. Гронского (см. С. 419—453).

Странно было бы, если бы власти не воспользовались этими фактами. И хотя на деле все обстояло весьма непросто (сказывалось ощущение социальной близости, свойственное ряду представителей правящей элиты Империи по отношению к польскому дворянству), в конечном итоге именно меры наиболее дальновидных представителей власти (прежде всего М. Н. Муравьева и Н. А. Милютин), направленные на изменение системы учреждений в Северо-Западном крае, ограничение прав костела и улучшение положения православного населения (в том числе крестьянского) привели к перелому ситуации. В рецензируемой книге этой значимой теме посвящены тексты Г. Н. Симакова и Н. А. Бородинской, А. Ю. Бендина, А. А. Загорнова, А. А. Киселева (см. С. 155—165; 247—272; 273—285; 286—316) и др.

В значительной степени отмеченная выше общая тональность сборника задается открывающим его обширным исследованием О. Р. Айрапетова, посвященным месту Царства Польского в политике Империи в 1863—1864 годах (см. С. 7—138). На самом деле содержание текста выходит далеко за пределы заглавия, поскольку автор дает характеристику не только внутренней, но и внешней политики России в той ее части, которая хотя бы косвенно связана с Польским мятежом. Главное, однако, состоит в том, что, едва ли не впервые в постсоветской историографии, О. Р. Айрапетов предлагает целостный взгляд на историю движения. Этот взгляд далек от представлений о политкорректности в их примитивном понимании, но думается, что это является не недостатком, а достоинством исследования.

Дело в том, что попытки «объективного» рассмотрения конфликтов, подобных по размаху и ожесточению Польскому восстанию 1863—1864 годов, построенные на основе примитивной схемы «и там и тут были хорошие парни, и там и тут были плохие парни», изначально обречены на провал. Ведь позиции участников таких конфликтов определяются крайней сложностью мотивации, включающей не только «объективные» (социально-экономические и политические), но и «субъективные» (культурные, социально-психологические и др.) по своей природе факторы. Как правило, они крайне сложно взаимосвязаны и уже поэтому практически никогда не могут быть ранжированы по степени «объективной обоснованности», что обрекает на провал любые попытки исследователя подняться «над схваткой».

Именно поэтому применительно к Польскому восстанию 1863—1864 годов изначально бессмысленно пытаться выработать «единственно верную» точку зрения. Понять и объяснить мотивы каждой из сторон или, по меньшей мере, реально продвинуться в этом направлении — уже очень много. Следующий шаг предполагает диалог, полифонию позиций и взглядов, которая является много большим, чем любые попытки окончательно расставить точки над «i». Важно лишь, чтобы позиции участников такого диалога прочно опирались на данные источников, тщательно отобранных и корректно интерпретированных. Думается, что это вполне удалось авторам пятнадцатого тома «Русского сборника», ставшего важным этапом на пути осмысления трагических событий 1863—1864 годов. ◆